

E. STEIN. HISTOIRE DU BAS-EMPIRE, TOME II. DE LA DISPARITION DE L'EMPIRE D'OCCIDENT À LA MORT DE JUSTINIEN (487—565)

Paris — Bruxelles — Amsterdam, 1949.

Второй том „Истории Византийской империи“ содержит изложение событий от падения Западной Римской империи до конца правления Юстиниана I (527—565) и является посмертным трудом Эрнеста Штейна, подготовленным к печати Ж. Р. Паланком.

Э. Штейн не сразу стал византиноведом. Его первые труды были посвящены исследованиям в различных областях истории Римской империи.¹ Исследование по византийской истории Штейн избрал темой своей докторской диссертации,² как и темой *opus habilitationis* при утверждении в звании профессора,³ и с этих пор обратил все свои научные интересы на изучение истории Византии.

Предпринятому Штейном обобщающему труду по истории Византии предшествовали многочисленные подготовительные этюды, посвященные преимущественно изучению византийских центральных и областных государственных учреждений.⁴ Первый том рецензируемого труда Штейна, в котором он использовал много ранее не изученных исторических источников,⁵ вышел в Вене в 1928 г. Немедленно после окончания работы над первым томом Штейн начал сбор материалов для второго тома, который он рассчитывал довести до конца правления императора Ираклия (610—641). Однако автору удалось составить лишь предварительный набросок второго тома в этом первоначально намеченном объеме. Обилие привлеченных Штейном источников заставило его отказаться от первоначального замысла и закончить этот том правлением Юстиниана I, перенеся весь остальной материал в третий том, который из-за смерти автора не увидел света.

Рецензируемый второй том труда Э. Штейна состоит из следующих глав: I. От падения Западной Римской империи до смерти Зинона (476—491); II. Внешняя история римского Востока при Анастасии I (491—518); III. Теодорих Великий: организация и апогей королевства остготов в Италии (493—518); IV. Церковная, административная и экономическая политика Анастасия I (491—518); V. От смерти Анастасия I до вступления на престол Юстиниана I (518—527); VI. Император Юстиниан I; его внешняя политика и войны до взятия Равенны Веллизарием (527—540); VII. Религиозная и церковная политика Юстиниана до эдикта против Оригена (527—543); *Corpus juris civilis*; VIII. Внутренняя история правления Юстиниана до падения Иоанна Каппадокийского (527—541); IX. Сношения империи с восточными и дунайскими

¹ Zum Gebrauch des prokonsularischen Titels seitens der römischen Kaiser. „Klio“, XII (1912), S. 392—396; Beiträge zur ältesten römischen Geschichte. Wiener Studien, XXXVII (1915), S. 353—366; Kleine Beiträge zur römischen Geschichte. „Hermes“, LII (1917), S. 558—583; Untersuchungen über das Officium der Prätorianerpräfektur seit Diokletian, Vienne, 1922, 77 S.

² Beiträge zur Geschichte von Ravenna in spätrömischer und byzantinischer Zeit. „Klio“, XVI (1919), S. 40—71.

³ Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches, Stuttgart, 1919, VIII, 200 S.

⁴ Untersuchungen zum Staatsrecht des Bas-Empire. „Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte“, Romanistische Abteilung, XLI (1920), S. 195—251; Ein Kapitel vom persischer und vom byzantinischer Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte. „Mitteilungen zur osmanischen Geschichte“, II (1925), S. 1—62.

⁵ Geschichte des spätrömischen Reiches, I: Vom römischen zum byzantinischen Staate, 284—476, Wien, 1928.

соседями от начала второй персидской войны Юстиниана до его смерти (540—565); X. Войны в Африке, Испании и Италии (540—565); XI. Возобновление монофизитства, спор о трех главах и последний богословский эдикт Юстиниана (542—565); XII. Золотой век византийской литературы; XIII. Внутренняя история правления Юстиниана от падения Иоанна Каппадокийского (541—565). Кроме того, том содержит 26 экскурсов, затрагивающих отдельные вопросы истории Византии этого периода.

Штейн определяет византийскую историю, как „совокупность исторических фактов, следующих за классическим античным миром, прямо и очевидно из него вытекающих“; это не только „переход от античности к средневековью“, но даже сама „античность в средневековье“.¹ И „если исследования (истории Византии. — Б. Г.) требуют известного знакомства с неавантийским миром, то еще настойчивее они требуют знания римских древностей“. Этими положениями определяется антинаучная „концепция“ истории Византии, развиваемая Штейном.

Еще в предисловии к первому тому рецензируемого труда Штейн писал, что, никогда не покидая твердой почвы источников, он якобы „не делал никакого насилия над последней в пользу какой-либо идеи исторической философии или какого-либо мировоззрения (*weltanschauliche Meinung*), каковы бы они ни были“. Эти уверения в беспристрастности истолкования источников — общая черта буржуазных историков вне зависимости от того или иного направления их общественно-политических взглядов, которое они стремятся завуалировать подобными заявлениями. И в этом отношении Штейн не составляет исключения.

Прежде чем подвести итоги изучения того или иного раздела, автор систематически проверял свои выводы в предварительных этюдах: неслучайно прошло 17 лет после выхода в свет первого тома, пока он закончил свою рукопись. Но, как и у большинства буржуазных историков, тщательная, скрупулезная работа Штейна над источниками, его стремление подробно изучить мельчайшие, часто второстепенные детали византийской истории не соответствуют значению конечных общих выводов автора. Так, несмотря на то, что в своих многочисленных этюдах (из которых мы назвали лишь немногие) Штейн уделял немалое внимание анализу деятельности учреждений Византийской империи, ему не удалось притти в своем труде к широким обобщающим выводам. Это объясняется тем, что византийские учреждения рассматриваются Штейном с формально-юридической точки зрения. Буржуазный историк, Штейн отказывается от исследования закономерностей процесса развития общественно-экономических отношений Византии, полностью игнорирует важнейшую для историка задачу — изучение классово-борьбы и народных движений, без понимания которых нельзя правильно объяснить смены одних форм государственного управления другими.

Принятая Штейном периодизация византийской истории ни в какой мере не может удовлетворить советского историка-марксиста. Историю Византии он делит на три периода: ранневизантийский, средневизантийский и поздневизантийский. Первый из них обнимает время от Диоклетиана до Ираклия (284—641); это — эпоха всемирного могущества византийского государства; средневизантийский период, в котором Византия еще остается первой мировой державой, характеризуется

¹ Annuaire du cercle pédagogique des professeurs de l'enseignement moyen sortis de l'Université de Louvain, XXXVI (1938), p. 10—12.

с точки зрения Штейна длительной борьбой с арабами и внутренней реорганизацией, достигающей наибольшего размаха при Македонской династии; после 1081 г. начинается поздневизантийский период — время упадка Византии, полное многих испытаний перед катастрофой 1453 г.

Порочность этой периодизации состоит прежде всего в ошибочном стремлении поставить знак равенства между поздней Римской и Византийской империями, между которыми на самом деле лежит резкая грань — революционный переход от рабовладельческой к феодальной общественно-экономической формации. Нет никаких оснований относить начало истории Византии к 284 г., т. е. к моменту воцарения Диоклетиана. В такой же степени столкновения с арабами и реформы государственного устройства не могут быть признаны историческими вехами, достаточными для того, чтобы выделить время с 641 по 1081 г. в некий самостоятельный период. Наконец, между 1081 г. и 1453 г. — датой конца империи — лежит продолжавшаяся 57 лет полоса существования Латинской империи, создающая определенный „водораздел“ между предшествующим и последующим периодами: каждый из них имеет свои особенности и различия, так что их никак нельзя без ущерба для научной истины втиснуть в рамки одного и того же периода. Схема периодизации, предложенная Штейном, близка ко многим другим схемам, выдвигавшимся буржуазными византинистами, которые избирали критерием для периодизации случайные, произвольные даты, трактованные ими в качестве вех византийской истории. Научная периодизация истории Византии, как и истории любой другой страны, может быть построена лишь на основе марксистско-ленинского учения о смене общественно-экономических формаций.

Первые пять глав рецензируемого труда содержат изложение внешней и внутренней истории Византии от падения Западной Римской империи до вступления на престол Юстиниана I (это время выделяется Штейном как особый „подпериод“). Автор пытается установить отличительные черты начала и конца этого периода. По его мнению, в IV в. язычество сохраняет еще свою жизнеспособность, латинский язык — свое преобладающее значение по сравнению с греческим, сенаторские фамилии — традиции древнего Рима, вследствие чего империя носит скорее римский, чем византийский характер. В VI в., напротив, римского, — полагает Штейн, — ничего не остается, кроме „политической организации и государственной концепции“ (кавычки мои. — Б. Г.), которая будет еще долго существовать в сознании византийцев. Государство в Византии тесно связано с религией; в нем настолько господствуют восточные элементы, что, с точки зрения Штейна, к этому времени можно считать оконченным процесс смешения Востока и Запада, составляющего, по мысли автора, квинт-эссенцию „византизма“ (стр. 7—8).

Если отбросить тезис о вытеснении латинского языка греческим (которое, кстати, происходит позднее, чем это думает Штейн), если отвлечься от ошибочной переоценки автором „жизнеспособности“ остатков язычества в IV в., то остается одно основное положение, свидетельствующее об идеалистической основе концепции Штейна. Это — мысль о неизменной политической организации и о какой-то изначальной надклассовой „государственной концепции“, которой якобы было обеспечено длительное существование в Византии. Чисто идеалистическая интерпретация византийской истории сближает Штейна со многими другими современными буржуазными византинистами, твердящими,

как, например, Г. А. Острогорский, о „Reichsidee“, как о единственной и неизменной движущей силе истории Византии на всем ее протяжении.

Хотя первые пять глав, при составлении которых автор частью пересмотрел старые и изучил новые источники, содержат некоторые интересные наблюдения по частным вопросам, тем не менее, в этих главах имеется ряд ошибочных положений; на важнейших из них мы считаем необходимым остановиться.

В параграфе о церковных делах и религиозной политике Зинона автор утверждает, что в IV в. арианство и язычество объединились в борьбе против господства официальной церкви, а в V в. последняя будто бы вступила в союз с язычеством для общей борьбы против монофизитства (стр. 23). Утверждения о существовании подобных „коалиций“ ни на чем не основаны, а „союз“ официальной церкви с язычеством, якобы созданный для борьбы против монофизитства, вообще был невозможным в то время, когда господствующая церковь вела энергичную борьбу против остатков язычества, нередко прибегая в этой борьбе к жестокому террору против „инакомыслящих“. Идеалистическая концепция Штейна проявляется в неприкрытой форме, когда он утверждает, что подобный союз (корни которого, если бы он действительно имел место, следовало бы искать в специфических особенностях расстановки классовых сил) мог быть создан по плану, разработанному неоплатоником-язычником Пампрепием. Вообще все изменения, происходившие в соотношении сил во время ожесточенной религиозной борьбы IV—V вв. Штейн объясняет исключительно деятельностью отдельных участников этой борьбы, которая основывалась будто бы на всегда заранее разработанных планах действий и т. д. Например, изменение религиозной политики правительства в 482 г. автор „объясняет“ сношениями Илла с духовным главой монофизитов (стр. 24); отход Зинона от борьбы с монофизитами, эдикт „Энотикон“ (482 г.), в котором подтверждались постановления первых трех вселенских соборов и подвергались анафеме Несторий и Евтихий, также объясняются исключительно деятельностью церковников, окружавших в это время императора Зинона (стр. 25—26). Ошибкой является утверждение Штейна о том, что в Сирии были весьма сильные позиции официальной церкви. Известно, наоборот, что Сирия была одним из наиболее сильных оплотов монофизитства.

В искаженном свете рисует автор внутреннюю историю государства Одоакра: он заявляет, что, по странной иронии истории, „свобода римской знати, за которую некогда умерли Брут и Кассий, никогда не была установлена с такой полнотой, как при первом варварском короле, правившем в Италии“ (стр. 41). Исследования советских историков показали обратное, а именно — то, что в государстве Одоакра были сильно ущемлены привилегии крупных землевладельцев: последние начали восстанавливать свое прежнее положение лишь после завоевания Италии войсками Юстиниана I. Сам автор противоречит себе, когда отмечает, что многие поместья крупных земельных магнатов были распределены небольшими участками между воинами Одоакра (стр. 42). В этой связи следует отметить, что автор, продолжая свои предварительные исследования, внес много нового в изучение характера деятельности *comitiva regum privatorum*, в функции которой входило распределение конфискуемых у римской знати земель (стр. 51—52).

Довольно полно освещена Штейном внутренняя политика и административные реформы императора Зинона (стр. 65—75). Автор под-

робно анализирует эти реформы, вносившие ряд изменений в функции правительственного аппарата, главным образом, областного. В частности, он детально рассматривает реформу 435—436 гг. (об изменении порядка юрисдикции сената), излагая предварительно историю относящегося к этому вопросу законодательства, начиная с реформы 440 г., по которой *clarissimi* и *spectabiles* лишились права участия в заседаниях сената.

Переходя к изложению событий правления Анастасия I (491—518), Штейн уделяет внимание восстаниям факций, происходившим в Константинополе и во многих городах империи в начале правления Анастасия I и поддержанным народными массами. Однако мы напрасно стали бы искать у автора анализа социального состава факций и димов, сущности классовых противоречий между фракциями и внутри их. Вследствие отсутствия такого анализа подлинный характер движения димотов остается у Штейна невыясненным, и это обстоятельство лишний раз подтверждает тот факт, что буржуазные ученые не в состоянии правильно характеризовать эти движения. Только советские ученые, вооруженные марксистско-ленинской методологией исторического исследования, способны решить эту задачу, о чем свидетельствуют работы А. П. Дьяконова,¹ Н. В. Пигулевской² и М. В. Левченко.³ В параграфе „Абиссиния и Иемен“ (стр. 101—105), несмотря на большое количество привлеченных источников, автору не удалось с достаточной полнотой проследить связи Византии со странами Востока. Эти связи были глубоко изучены советским историком Н. В. Пигулевской в ряде ее статей⁴ и особенно в монографии „Византия на путях в Индию“ (1951 г.), обобщающей накопленный автором материал многолетних исследований.

Содержание третьей главы, трактующей о роли Теодориха в организации королевства остготов в Италии (стр. 107—156), собственно говоря, выходит за пределы истории Византии, как таковой. Введение этой главы можно объяснить лишь тем, что Штейн, как мы уже отмечали, рассматривал Византию как непосредственное продолжение Римской империи и поэтому стремился проследить судьбы ее западной части на примере, в частности, „варварского“ королевства остготов. Автор крайне идеализирует личность Теодориха, приписывая исключительно ему все глубокие изменения в общественно-экономическом и политическом строе Италии, происшедшие за время существования остготского королевства. Он заявляет, что если для Константина и Феодосия I эпитет „Великий“ можно допустить лишь с натяжкой, то в отношении Теодориха его можно применить без всякого ограничения (стр. 107). Штейн называет Теодориха вдохновителем последнего

¹ А. П. Дьяконов. Византийские димы и факции (*τὰ μέρη*) в V—VII вв. „Византийский сборник“, М.—Л., 1945, стр. 144—227.

² Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.—Л., 1946, стр. 129—159, 159—164.

³ М. В. Левченко. Венеты и прасины в Византии в V—VII вв. „Византийский Временник“, т. I, 1947, стр. 164—183.

⁴ Анонимная сирийская хроника о времени Сасанидов (сирийские источники по истории Ирана и Византии), „Записки Института востоковедения АН СССР“, VII (1939), стр. 55—78; Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв., „Византийский Временник“, т. I, 1947, стр. 184—212; Первоисточники истории кушито-химьяритских войн (К истории торговли и дипломатии Византии на Востоке), „Византийский Временник“, т. II, стр. 74—93; Эфиопия и Химьяр в их взаимоотношениях с Восточно-Римской империей, „Вестник древней истории“, 1948, № 1, стр. 87—97; Законы химьяритов. „Византийский Временник“, т. III, 1950, стр. 51—61.

подъема римской культуры, мудрым примирителем античной цивилизации и „германизма“, борющихся в течение полутысячелетия. На самом деле социально-экономическая политика Теодориха была направлена на удовлетворение интересов крупного землевладения — как прежнего римского, сенаторского и церковно-монастырского, так и крупного остготского, вновь создававшегося на базе земельных пожалований Теодориха. По мысли Маркса, „его (Теодориха. — Б. Г.) большая ошибка заключалась в том, что он не только сохранил *римскую экономику*, законы, магистратуру и т. д., но и обновил их в известной мере“.¹ Штейн совершенно умалчивает о частых народных движениях, которые имели место в правление Теодориха и были направлены против усиливавшейся эксплуатации со стороны крупных землевладельцев. Исследуя реформы Теодориха на основе данных исторического произведения Кассиодора и других источников, автор уточняет понимание ряда деталей административного устройства остготского королевства. В частности, он показывает характер института *salones* и *comitiaci*, назначавшихся исключительно из рядов остготской военной знати и игравших большую роль в управлении королевством. Освещена в этой главе также и внешняя политика Теодориха.

Четвертая глава посвящена изучению церковной, административной и экономической политики Анастасия I (491—518). Изменение церковной политики Анастасия I в сторону установления терпимого отношения к монофизитам Штейн ошибочно объясняет его личными симпатиями, основанными якобы на глубоком уважении к современным ему вождям монофизитов (стр. 157). На самом деле эта политика вызывалась необходимостью считаться с силой монофизитов в восточных провинциях, являвшихся мощными экономическими центрами империи.

В извращенном виде представлено в труде Штейна восстание 513 г., во главе которого стоял комит федератов Виталиан (стр. 177—185). Это движение, в котором принимали активное участие широкие народные массы, автор объясняет исключительно их недовольством примиренческой политикой Анастасия I по отношению к монофизитам. Бесспорно, что религиозные противоречия играли значительную роль в борьбе факций.² Однако в основе народных движений, происходивших в правления Анастасия I и Юстиниана I, лежали изменения в общественно-экономическом строе, повлекшие за собой обострение классовых противоречий и вызвавшие острые конфликты не только среди руководящих групп факций и димов,³ но и выступления эксплуатируемых групп населения против господствующей верхушки внутри этих организаций. Часто эти движения разрывались в настоящие восстания, угрожавшие императорскому трону.⁴ Только под этим углом зрения можно правильно расценить восстание, во главе которого стоял Виталиан.⁵

С достаточной полнотой изучена Штейном финансовая политика Анастасия I, которой он дает положительную оценку. Известно, однако, что финансовые мероприятия первых византийских императоров тяжело отражались на положении трудящихся масс империи. Автор

¹ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, 1938, стр. 21.

² М. В. Левченко. Венеты и прасины в Византии в V—VII вв. „Византийский Временник“, т. I, 1947, стр. 172.

³ М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 175.

⁴ Там же, стр. 176.

⁵ См. Н. В. Пигулевская. Ук. соч., стр. 136—139.

детально исследует характер применения *сυνωνή* (римского *соемptio*), по которой обложение поземельной податью в натуральной форме было заменено денежным на основе золотого исчисления и был установлен новый порядок сбора этого важнейшего налога с общин: взимание налогов с мелких землевладельцев было изъято из ведения декурионов и предоставлено виндикам-откупщикам, что сильно увеличило доходы византийского государственного казначейства. Как отмечает Штейн, в 498 г. было уничтожено *auri lustralis collatio*, причем ущерб, понесенный от этой меры меры казной, был с избытком возмещен реформой *соемptio*. Автор исследует далее монетную реформу Анастасия, укрепление системы *ἐπιβολή* (*adiectio*). При Анастасии, как показывает Штейн, не только зачастую уничтожались правовые различия между *ἐπιβολή ὁμοδούλων* и *ἐπιβολή ὁμοκῆσων*, но посредством *adiectio* неводеланные земли присоединялись к возделываемым владениям. Эдиктом префекта претория Зотика это было запрещено. Кроме того, Анастасий издал указ, запрещающий применение *ἐπιβολή ὁμοκῆσων* к владениям, управлявшимся *comitiva sacri patrimonii*.

Излагая (в пятой главе) события от смерти Анастасия I (518) до вступления на престол Юстиниана I (527), Штейн вносит мало нового в обычное для буржуазной историографии освещение этого периода, если не считать его вряд ли обоснованной попытки пересмотреть общепринятый среди буржуазных византиноведов взгляд на личность Юстина I, которого все историки справедливо расценивают, как жалкую посредственность.

Вся остальная часть книги (стр. 275—780) Штейна посвящена правлению Юстиниана I. Прежде чем приступить к анализу отдельных сторон деятельности императора, автор дает общую оценку личности Юстиниана I, которого он, следуя принятой буржуазными историками традиции, безмерно идеализирует. В оценке юстиниановской внешней политики Штейн допускает ряд нелепостей. Так, говоря о значении войн Юстиниана I, он утверждает, что „без византийского завоевания Италии нельзя понять ни подъем венецианского могущества, ни образования Неаполитано-Сицилийского государства, первого государства нового времени (*sic!*)“ и что „еще в XII в. западная политика императора Мануила Комнина носит отпечаток „империализма“ (кавычки мои.— Б. Г.), возникающего при Юстиниане“ (стр. 277). В описании Штейна Юстиниан наделяется страстью к славе, которая, оказывается, побуждает его ко многим „благородным“ действиям, любовью к богословским исследованиям, в которых он мог показать свою „эрудицию“, стремлением лично редактировать издаваемые им законы и т. д. В то же время автор пишет о терпимости Юстиниана к критике, о его скромности, расточает похвалы якобы исключительной трудоспособности императора (стр. 278—279), его заботам об единстве религии, его руководству по кодификации законодательства. Идеализация Юстиниана давно уже стала традицией у буржуазных византинистов, и ничего оригинального в этом отношении работа Штейна не дает.

Очерк о внешней политике Юстиниана рисует картину завоевательных войн Юстиниана (имевших целью, как полагает автор, превратить Средиземное море в „*mare nostrum*“), а также его оборонительных войн, задачей которых было преградить натиск славянам в пределы империи. Собранный автором материал показывает, что славяне серьезно угрожали империи. Опираясь на данные многих источников, в том числе и таких, которые ранее никем не были использованы, Штейн отмечает, что болгары овладели в Иллирике тридцатью двумя

крепостями; захватив Кассандрию, Потидею, они проникли во Фракийский Херсонес, даже пересекли Геллеспонт и прорвались на малоазийский берег, подвергнув его опустошению и сломив сопротивление Анастасия у „Длинной стены“, которую историк VI в. Евагриус называл „знаменем бессилия, памятником трусости“.

Известный интерес представляет изложение автором вопроса об организации управления в Северной Африке после завоевания королевства вандалов (стр. 318—328). Автор останавливается на создании *magisterium militum Africae* с центром в Карфагене.

В седьмой главе своего труда, основываясь главным образом на историческом сочинении Прокопия Кесарийского, Штейн исследует церковную политику Юстиниана.

Что касается общей оценки юстиниановского законодательства, как и всей его государственной деятельности, то Штейн, будучи буржуазным историком, оказывается совершенно бессильным разобраться в сущности того и другого. Советские ученые впервые дали единственно правильную научную характеристику деятельности прославленного буржуазными историками Юстиниана I, основанную на гениальном сталинском учении о переходе от рабовладельческой формации к феодальной.¹ Советские историки установили, что Юстиниан — прежде всего душитель угнетенных масс, „потопивший в море крови восстания константинопольского плебса“, жестоко подавлявший все и всяческие проявления революционного движения не только в Византии, но и в Западной Римской империи, что „вся внутренняя политика этого императора, его „прославленное“ законодательство преследовали одну цель: укрепить распадавшийся под ударами революции рабовладельческий строй и подавить эту революцию“.²

Штейн посвящает особый параграф восстанию „Ника“ (532 г.) (стр. 449—456). Однако, это самое значительное в истории Византии VI в. народное движение, это крупнейшее восстание городского населения,³ закончившееся разгромом димов вследствие нерешительности и измены примкнувшей к восстанию враждебной Юстиниану части сенаторской аристократии,⁴ не получило в рецензируемой работе правильного освещения.

Очень подробно, разбирая некоторые частные вопросы, излагает Штейн деятельность Юстиниана в области административных реформ, уделяя особое внимание реформам, непосредственно проводившимся Иоанном Каппадокийским во время его второй префектуры (стр. 463—470). К интересным выводам пришел автор, изучая реформы провинциального управления в Армении (стр. 470—472), Малой Азии (стр. 472—473), исследуя новую магистратуру (*quaestura exercitus*), созданную в 536 г. (стр. 474—476), рассматривая организацию византийского управления в Египте.

Девятая и десятая главы труда Штейна посвящены изучению внешней политики Юстиниана от 540 г. до конца его правления. Здесь очень подробно излагаются события войн с Персией, войн в Африке, Испании и Италии. Особый параграф посвящен событиям на придунайской границе Византии, где в правление Юстиниана происходили непрерывные вторжения антов, болгар и славян (стр. 521—525). Однако автор при этом ограничивается лишь внешним изложением событий,

¹ См. „Византийский Временник“, т. III, 1950, стр. 9—10.

² Там же, стр. 10.

³ Н. В. Пигулевская. Ук. соч., стр. 141.

⁴ М. В. Левченко. История Византии. Краткий очерк, М.—Л., 1940, стр. 61.

связанных с походами славян, не затрагивая вопроса об их огромном историческом значении, вопроса, который был подвергнут всестороннему изучению в трудах советских ученых.¹

После длинных экскурсов, посвященных завоевательным войнам Юстиниана, экскурсов, в которых не дается никакой оценки реакционной сущности его внешней политики, Штейн переходит к анализу положения Италии после византийского завоевания (стр. 612—622). В этом разделе автор также нанизывает большое количество как известных, так и вновь отмечаемых им фактов, не пытаясь дать этим фактам надлежащей оценки.

Реакционная сущность законов Юстиниана, изданных им для завоеванной Италии, наиболее полно предстает перед нами в Прагматической санкции 554 г. Этим актом Юстиниан стремился повернуть вспять колесо истории, восстанавливая старые римские учреждения и старые порядки, уничтожая все следы „тирании“ Тотилы, организуя погоню за бежавшими колонами для водворения их в имения прежних владельцев. Реакционное законодательство Юстиниана еще более ухудшило тяжелое положение народных масс Италии, доведенных до нищеты длительными войнами. Сильно уменьшившееся за годы войн население не в состоянии было обрабатывать земли, большое количество которых оставалось невозделанными. Но Штейн не замечает всего этого: он ограничивается лишь ничего не говорящим замечанием о том, что „во многих отношениях это законодательство не соответствовало реальному положению дел“ (стр. 615). Ошибочно утверждение Штейна о том, что после завоевания Италии сенаторское сословие потеряло свое прежнее значение, — весь дух Прагматической санкции свидетельствует о том, что она была направлена на всемерное укрепление сенаторского землевладения.

В оценке автором деятельности Юстиниана содержится много других ошибочных и порочных положений. Штейн, как и остальные представители буржуазной исторической науки, приложил немало усилий, чтобы поддержать миф о „великом“ царствовании Юстиниана, о его „великих деяниях“, миф, разоблаченный и навсегда похороненный советским византиноведением. Советские историки показали, что правление императора Юстиниана было периодом кратковременного торжества рабовладельческой реакции, последней отчаянной попыткой рабовладельческого мира взять реванш и подавить революционное движение народных масс.²

Одиннадцатая глава рецензируемой работы посвящена церковным делам второй половины (542—565) правления Юстиниана. В этой главе идет речь о новом усилении монофизитского движения, о споре по поводу трех глав и о последнем богословском эдикте Юстиниана. Автор, конечно, не смог дать правильной оценки религиозной политики

¹ См. Н. В. Пигулевская. Авары и славяне в сирийской историографии. „Советское востоковедение“, М.—Л., 1941, т. II, стр. 27—36; А. П. Дьяконов. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII веков. „Вестник древней истории“, 1946, № 1, стр. 20—34; В. И. Пичета. Славяно-византийские отношения в VI—VII вв. в освещении советских историков, там же, 1947, № 3, стр. 95—99; Б. Т. Горянов. Славянские поселения VI в. и их общественный строй, там же, 1939, № 1, стр. 308—318. Подробную библиографию вопроса см. в „Сборнике документов по социально-экономической истории Византии“, М., 1951, стр. 295—297.

² См. З. В. Удалцова. Прокопий Кесарийский и его „История войн с готами“. Вступительная статья к изданию „Прокопий из Кесарии. Война с готами“, перевод С. П. Кондратьева. М., 1950, стр. 7.

Юстиниана и не сумел показать, что под маской борьбы за чистоту христианской религии Юстиниан необычайно жестоко расправлялся со всяким свободомыслием.¹

Двенадцатая глава носит название „Золотой век византийской литературы“. В этом названии слышатся отзвуки распространенной среди буржуазных литературоведов и историков искусства ошибочной теории о том, что в царствование Юстиниана происходит якобы последний расцвет античной культуры. Эти ученые забывают известные факты, свидетельствующие о том, что Юстиниан во имя борьбы за чистоту официальной религии обрушивал жесточайший террор на малейшее проявление инакомыслия, что именно он закрыл в 529 г. Афинскую высшую школу, что Юстиниан поддерживал лишь тех писателей, которые слепо проводили его политику превращения религии в орудие порабощения масс правительственному деспотизму этой теократической империи, душившей ростки всего прогрессивного в византийской культуре. При Юстиниане „вся духовная жизнь находилась под строжайшим контролем государства, которое беспощадно пресекало всякую оппозиционную мысль, всякое новшество, всякое либеральное богословское течение... Максимально централизованный государственный аппарат зорко следил за тем, чтобы в господствующее мировоззрение не просачивались какие-либо посторонние влияния... Инакомыслящих отправляли в ссылку либо приговаривали к смертной казни“.² Таким образом, вся политика Юстиниана была направлена к тому, чтобы всемерно поощрять творчество идеологов официального христианства, „отцов церкви“, которые должны были доказать „слабость“ человеческого разума, подавить всякую свободу мысли и самостоятельность в деятельности оппозиционных элементов византийского общества. Время правления Юстиниана никак не может быть названо „золотым веком“ византийской литературы. Наоборот, если в последующие эпохи, как, например, в эпоху иконоборчества, появляются прогрессивные течения в науке, литературе и искусстве, то такие явления могли иметь место лишь как следствие победы над затхлым режимом — сплошного засилия церковников-мракобесов, основы которого были заложены Юстинианом.

В рассматриваемой главе Штейн в первую очередь дает анализ творчества последних представителей литературы, писавших на латинском языке, — Кориппа, Аратора и др. Заслуживает внимания указание Штейна, что значение произведений Кориппа до сих пор недооценивалось его исследователями. Действительно, прежние исследователи (Скутш, Манициус, Шанц, Гозиус, Диль и др.) не принимали во внимание того, что сочинения Кориппа могут послужить важным источником для изучения событий в Африке, восстания Кутцины 543 г., могут позволить восстановить много неизвестных до этого подробностей, касающихся истории войн за завоевание Северной Африки.

Расцвет греческой литературы Штейн усматривает в творчестве Романа Сладкопеевца (стр. 696—697) и некоторых других представителей церковной поэзии, прославлявших официальную православную религию.

Говоря о прозаических произведениях этого времени, автор останавливается на сочинениях некоторых представителей агиографической

¹ См. Э. В. Удалцова. Прокопий Кесарийский и его „История войн с готами“. Вступительная статья к изданию „Прокопий из Кесарии. Война с готами“, перевод С. П. Кондратьева. М., 1950, стр. 7.

² В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, М., 1947, стр. 17.

литературы и на „Христианской топографии“ Космы Индикоплова. Однако последнему произведению автор посвящает несколько беглых строк, не только ничего не прибавляющих к нашим представлениям об этом писателе, но и значительно уступающих исследованиям советских историков в этом направлении.¹

Раздел главы, посвященной историкам и хронографам этой эпохи, не дает почти ничего нового по сравнению с тем, что известно о них из сочинений буржуазных историков византийской литературы и исследователей, анализировавших творчество византийских историков этого периода, — Крумбахера и других. Основное место в этом разделе уделено историческим произведениям Прокопия Кесарийского (стр. 709—723). Разумеется, мы не найдем здесь определения, интересы каких классовых групп отражал этот виднейший историк юстиниановской эпохи; Штейн не понимает, что Прокопий был под влиянием оппозиционных настроений старой рабовладельческой аристократии² и стремился к восстановлению былого могущества „высшей рабовладельческой знати, группировавшейся вокруг сената“.³ Не столь подробно останавливается Штейн на характеристике творчества Петра Патрикия и Иоанна Лида, не отмечая других историков этой эпохи, заслуживающих не меньшего внимания.

Последняя, тринадцатая глава труда Штейна посвящена внутренней истории правления Юстиниана в последние годы его царствования (541—565), со времени смещения Иоанна Каппадокийского. Отметим, кстати, что подобная „периодизация“ правления Юстиниана, опирающаяся на такую случайную дату, как „падение“ ничем не приметного сановника, прославленного буржуазными историками лишь за то, что он был верным лакеем Юстиниана, угодливым проводником его реакционной политики, может только служить лишним примером полнейшего произвола в принятой Штейном „системе“ периодизации византийской истории.

В этой последней главе Штейн установил некоторые новые детали, касающиеся функций таких сановников, как *refendarii a secretis*, куропалатов и т. д. Посвятив далее ряд страниц описанию стихийных бедствий и эпидемий, разразившихся в это время в Византии, затронув вопрос о развитии производства шелка, автор кончает свою книгу описанием последних дней Юстиниана.

Дополнением к книге Штейна служат обширные комментарии („экскурсы“), содержащие богатый фактический материал, в особенности по вопросам структуры и функций византийского правительственного аппарата. К книге приложен длинный перечень источников и три исторические карты.

В своей работе Штейн не мог избежать пороков, присущих исследованиям всех буржуазных ученых-византинистов. Внутренняя история Византии рассматривается им почти исключительно в плане анализа структуры и функций административного аппарата империи, которому автор придает исключительное значение в ее судьбах. Это — одно из наиболее ярких проявлений идеалистического понимания исторического процесса, свойственное Штейну, как буржуазному ученому. Важнейшие вопросы социально-экономической истории, классовой борьбы, как, например, борьба димов и факций, имевшая большое значение, факти-

¹ См. Н. В. Пигулевская. Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв. „Византийский Временник“, т. I, 1947, стр. 199 сл.

² Э. В. Удалцова. Ук. соч., стр. 15.

³ Там же, стр. 18.

чески остаются без рассмотрения, либо, в лучшем случае, излагается один только фактический материал, без попытки какого-либо обобщающего анализа событий. Идеалистическая методология Штейна привела его к ошибочной, основанной на случайных признаках, периодизации византийской истории. Уделяя много места освещению завоевательных походов Юстиниана, Штейн проходит мимо внутренней истории областей, временно захваченных византийскими войсками; он не вскрывает реакционного характера политики Юстиниана в этих областях. Совершенно обойден автором важнейший вопрос о славянской колонизации и роли славян в формировании византийского феодализма, разрешенный в трудах советских историков (Б. Д. Греков, П. Н. Третьяков, Н. В. Пигулевская, Е. Э. Липшиц, А. В. Мишулин, М. В. Левченко, Б. Т. Горянов, Э. В. Удальцова).

В целом большой труд Штейна, составлявшийся на протяжении почти двух десятилетий, труд, в котором собран значительный фактический материал, является свидетельством вырождения буржуазного византиноведения. Не случайно поэтому прогрессивные круги буржуазной Франции, интересующиеся правильной научной трактовкой византийской истории, издали в переводе на французский язык книгу советского ученого М. В. Левченко по истории Византии. Только советская историческая наука, владеющая единственно научным методом исторического исследования, способна разрешить сложные вопросы истории византийского феодализма.

Б. Т. Горянов

LOUIS BRÉNIER. LE MONDE BYZANTIN

T. II. *Les institutions de l'empire Byzantin.* Paris, 1949.

T. III. *La civilisation Byzantine.* Paris, 1950.

Работа Луи Брейе по истории Византии, изданная во Франции в исторической серии „Эволюция человечества“,¹ чрезвычайно ярко показывает состояние маразма и упадка современной буржуазной исторической науки вообще, византиноведения — в частности. Брейе — один из наиболее известных западноевропейских византинистов, автор большого количества исследований по различным вопросам истории Византии; вице-президент шестого Международного конгресса византинистов, заседавшего в Париже в 1948 г.

Труд Брейе состоит из трех томов: I. „Жизнь и смерть Византии“ (политическая история империи), — эта книга уже была подвергнута критическому разбору в советской историографии;² II. „Учреждения Византийской империи“; III. „Византийская цивилизация“.

Таким образом, автор поставил перед собой цель осветить все стороны жизни византийского общества на протяжении тысячелетнего периода его существования. Американская и западноевропейская критика считает, что Брейе удачно выполнил эту задачу. А. Васильев называет его второй том „византийской энциклопедией по внутренней истории империи“.³ Третий том „Византийского мира“, по мнению А. Берра — руководителя серии и автора предисловия к рецензируемой

¹ L'évolution de l'humanité. Synthèse collective. Dirigée par H. Berr.

² Рецензия Э. В. Удальдовой. „Византийский Временник“, т. II, 1949, стр. 337—360.

³ „American historical review“, vol. 55, N° 1, oct. 1949.